

● Встреча по просьбе читателя

ВТОРОЕ
ДЫХАНИЕ

Многие годы я был поклонником таланта артиста оперы Валентина Попова. Потом жил в других краях. Недавно вернулся в Пермь, и как только устроился с делами, поспешил в оперный театр.

Хотелось послушать пение любимого артиста. Но от друзей узнал, что Попова в театре уже нет. Иногда я встречаю его на улице, но лично мы не знакомы, и обращаться с расспросами неудобно. А хочется знать о его жизни.

А. НИКИШИН.

Мне не однажды приходилось встречаться с артистами, покинувшими сцену. Иногда встречи эти оставляли тягостное чувство: люди были явно растеряны, с обостренной тоской по ушедшим временам, вниманию, аплодисментам; иные мои собеседники горько иронизировали: пенсионная пора и звание ветеран труда приходят не только к сталевару, врачу, инженеру, но и к артисту.

Поэтому визит к лауреату Государственной премии, народному артисту РСФСР Валентину Николаевичу Попову, ныне пенсионеру, волновал и даже несколько пугал: не легко наблюдать смутное состояние человеческой души.

Напрасно боялась: смуты и растерянности не было. Были энергия, оптимизм, искристая веселость, радушие. И разговаривать было легко и просто, и вспоминать, и даже молчать.

А потом в квартире царствовал голос Попова (проводя артиста на пенсию, журналисты радио подарили ему магнитофонные записи оперных партий в его исполнении).

— Чтобы мобилизоваться, я иногда слушаю записи, — шутил Валентин Николаевич. А кассета на магнитофоне вела свое повествование.

Кочубей... Вспоминается я Попов — Кочубей на сцене. Артист рисовал образ Кочубея неброско, сдержанно, но четко переданные качества героя — стойкость, непокоренность, мужественное величие вырастали до высот трагедии, заставляя зрителей восторгаться и сострадать.

«Достиг я высшей власти...» — доносился голос Попова с магнитной ленты. В нем сила, страсть и... страх. Страх перед возмездием. Вот он уже криком, полным отчаяния, восклицает: «Чур, дитя! Кто говорит: убийца? Убийцы нет! Жив, жив малютка!»

Это уже — Борис Годунов.

Как можно незаметнее следила я за Валентином Николаевичем.

Только что он был Кочубеем, и выражение истинного страдания отпечаталось на его лице, через несколько мгновений, когда мы слушали арию Мельника, лицо Попова стало хитрым-хитрым, потом горестным, а в сцене безумия — страшным. При первых звуках речитатива Бориса Годунова лицо Ва-

лентина Николаевича ожесточилось, сам он даже привстал, в напряжении сцепив пальцы рук, но вдруг, спохватившись, виновато улыбнулся, и как бы смахивая видения, тихо сказал:

— Люблю Кочубея, Бориса, Мельника. Очень люблю. А еще всю жизнь мечтал спеть Варлаама из «Годунова»... 50 партий на моем счету, почти весь басовый репертуар, а вот Варлаама петь не случилось. Но спою. Непременно. Своим ученикам.

Ученики у Валентина Николаевича не в понятии — последователи, почитатели, — а в самом прямом смысле появились, когда Попов вышел на пенсию. Он улыбается каким-то своим думам, а вслух говорит:

— Порой мне кажется, что жизнь сотворила надо мной шутку. Мне не в певцы надо было идти, а в педагоги. Но жизнь «поправилась»: послав меня на пенсию, дала второе дыхание. И вот перед вами Попов — педагог Пермского музыкально-педагогического училища.

И тут на долгое время наша беседа перешла в русло педагогики. Очень заботит Валентина Николаевича постановка певческого дела в наших школах: и кадров не хватает, и зачастую невысока их квалификация.

У меня невольно вырвалось:

— Так вы готовите не певцов?

Попов ответил с гордостью: — Готовим учителей пения для общеобразовательных школ, музыкальных воспитателей. Но они должны уметь петь, хорошо петь, должны быть специалистами с высокой музыкальной и вокальной культурой. Не только знать азы сольфеджио, но и теорию музыки, владеть музыкальными инструментами. Вот тогда ребятишки в школах полюбят пение. Певцов хороших у нас достаточно, но общая музыкальная культура многих людей еще невысока. А какие у нас песни прекрасные! Я, например, не могу выносить, когда люди знают только полтора куплета из всей песни. Считаю это надругательством над песней...

И новой, неведомой до того гранью засверкал характер этого человека, известного певца, с чьим именем почти четверть века была неразрывно связана пермская опера.

Получив приглашение на концерт в училище, где преподает В. Н. Попов (он сказал: «Буду петь «Блоху» Мусоргского, Филиппа из

«Дон Карлоса», романс «Благословляю вас, леса» и Варлаама, если успею приготовить...), мы распрощались. Но долго в памяти звучал и голос Попова, и его речь, неторопливая, покойная, когда разговор касался прошлой сценической деятельности («все, что положено было отдать на алтарь искусства, — отдано»); и горячая, взволнованная, когда разговор касался нынешней его работы — педагогической («тут я еще многого сам не знаю, поэтому и сам еще учусь»); и полная искренней благодарности за память неизвестного ему человека, написавшего в редакцию, просьба: «Ему скажите, что мне не скучно и не грустно, что мне просто по-прежнему некогда, я ведь еще и председатель военно-шефской комиссии театрального общества, и член областного Комитета защиты мира»...

И. ФУКАЛОВА.

Сolist Пермского академического театра оперы и балета Борис Яковлевич Торик по просьбе редакции сделал рисунки. Они воскрешают образы героев, которые с таким мастерством и любовью создавал на сцене Валентин Николаевич Попов.

На рисунках: лауреат Государственной премии, народный артист РСФСР В. Н. Попов (Борис Годунов, Мельник, Кончак).